

Костина Анна Владимировна — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по учебной и воспитательной работе Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (г. Инсбрук, Австрия). Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: Anna_Kostina@inbox.ru

Kostina Anna Vladimirovna, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Academic Affairs and Education, Moscow University for the Humanities, Member, International Academy of Sciences (Innsbruck, Austria). Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: Anna_Kostina@inbox.ru

DOI: 10.17805/zpu.2023.2.8

О диалектическом уме и исторической реальности

Э. Ф. МАКАРЕВИЧ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В этом эссе речь идет о диалектическом уме, по сути, о диалектической логике, понимании ее роли в познании и развитии мира и страны. Это понимание во многом было определено личностью выдающегося советского философа Эвальда Васильевича Ильенкова. Именно он стал лидером борьбы с догмами официальной советской философии, повлиявшей на образование, политику и пропаганду в Советском Союзе. Интерпретация диалектической логики по Ильенкову позволяет понять особенности конкурентов диалектики в познании и изменении мира, прежде всего позитивизма. Именно с позиции диалектики в эссе рассматривается сущность государственного ума, которым должен обладать лидер страны.

Ключевые слова: история; диалектическая логика; диалектико-материалистический метод познания мира; диалектический ум; государственный ум; позитивизм; К. Маркс; Ф. Энгельс; И. Кант; В. Ленин; Э. Ильенков; Э. Соловьев; Ю. Хабермас; Дж. Кеннан

ВВЕДЕНИЕ

В наше время, когда современный мир пребывает в состоянии различного рода кризисов — геополитических, экономических, экологических, информационных и гуманитарных, — огромное значение приобретает интеллектуальная и этическая культура лидеров и мышление аналитиков. Главным инструментом этой культуры является философия как метод познания исторической реальности. В первом ряду здесь стоит метод диалектической логики, творцом которой в советское время был выдающийся мыслитель Эвальд Васильевич Ильенков, по сути, стоявший у истоков нового марксизма. Именно его диалектическая логика позволяет определить критерии диалектического государственного ума, который рождает эффективные и этически выверенные решения.

*ОБЫВАТЕЛЬСКИЙ УМ МАРЬИ ИВАНОВНЫ
ПРОТИВ УМА ПРОГРЕССИВНОГО*

Когда думаешь о том, что есть ум, как тут не вспомнить главу из неоконченного романа Льва Толстого «Декабристы», в которой сталкиваются понятия обывательского ума и ума прогрессивного. Главный герой по имени Петр Лабазов, декабрист, из ссылки возвращается с семьей в Москву. То было время после Крымской войны, в которой Россия уступила Англии и Франции, и по Парижскому мирному договору 1856 г. ей была возвращена только часть Севастополя, а Черное море было объявлено нейтральным, и там России и Турции запрещалось иметь военные флоты. Причина поражения России была в ее промышленной отсталости, у нее еще не было кораблей с паровыми машинами, у нее не было нарезных орудий, обеспечивающих точность стрельбы, не было железных дорог для снабжения войск боеприпасами, оружием и провиантом. Но зато это все было у англичан и французов. В этом Парижском мирном договоре было унижение России.

Петр Иванович Лабазов по возвращении наносит визит своей крестной матери Марье Ивановне, которая была старше его десятью годами. Толстой пишет: «Она жила в Москве сорок лет безвыездно. Не было у ней ни большого ума, ни большого богатства, и связями она не дорожила, напротив; и не было человека, который бы не уважал ее. <...> Бывали у ней друзья больше из молодежи и мужчин умных; женщин она не любила» (Толстой, 2017: 263).

И говорит Марья Ивановна ему, Лабазову Петру Ивановичу, герою декабрьского выступления 1825 г.: «Ты ведь безумный так и остался, я по глазам вижу. <...> Удаляйся ты, Христом Богом тебя прошу, от всех этих либералов нынешних. Бог их знает, что они там ворочаются. Только все это хорошо не кончится. А правительство наше теперь молчит, а потом придется показать коготки, попомни мое слово. Я боюсь, чтоб ты опять не замешался. Брось это; все пустяки. У тебя дети» (там же: 267–268).

И дальше меж них такой диалог выстраивается. Петр Иванович, герой декабрьского выступления 1825 г., говорит Марье Ивановне: «Что же, надо надеяться, что они проживут счастливее нашего» (там же: 268).

А Марья Ивановна ему в ответ: «Дай бог, дай бог! Да жить-то тяжело, Петруша! Ты меня послушай в одном, мой голубчик. Не мудри ты! Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак!» (там же: 269).

В чем же дурак Петр Иванович? Да в том, что влез он в декабристское движение и сослан был в Сибирь. А после событий Крымской войны еще более утвердился в правоте тех, кто выступил тогда в декабре на Сенатской площади против самодержавного монарха. И вот опять тянет его к либералам, хотя и дети уже выросли. А один, тот, который Сережа, тяготеет к наукам естественным, и не ему ли быть схожим судьбой с тургеневским Базаровым?

А ему опять: «Какой ты дурак, Петруша, ах, какой ты дурак!»

И тем не менее ум Петра Ивановича более свеж, прогрессивен против обывательского, консервативного, застоялого ума Марьи Ивановны. Но ведь многим матерям свойственно так думать.

А вот прогрессивность ума Петра Ивановича складывается под пером Толстого из отношения Петра Ивановича к истории, из «исторических» его раздумий. Но и через 160 с лишним лет время в России не вынесло окончательного вердикта в этом семейном споре русских аристократов, случившемся в середине XIX в. под

пером Льва Толстого. Но все же признаем, что Петруша, хотя и «дурак» в глазах Марьи Ивановны, тем не менее ум имел прогрессивный, значит философский, не обывательский. Но вот какой философии?

ОБ УМЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОМ, А ЗНАЧИТ, ПРОГРЕССИВНОМ

Ум можно определить как способность и умение мыслить, как мышление, т. е. овладение знанием в его развитии. Ум — это разум и рассудок. Гегель противопоставлял разум, как «бесконечное» мышление, — рассудку, как «конечному» мышлению. Рассудок оперирует понятиями, образами, что сотворил разум, рассудок «принимает» решение, как действовать на основе оценок разума.

Но вот если человеку предложить сумму правил, алгоритмов, регламентов, то обзаведется ли он способностью, и умением мыслить, освободится ли от умственной недалекости, а может, даже и от глупости? Разве сила — не в правилах? Но признаем, что помимо правил аналитического мышления нужны знания и еще раз знания, и практика, общественно-человеческая, а потом и общественно-политическая. Да и не обойтись без влияния семьи, воспитания школой и самостоятельной жизнью. Не нами сказано, но нами воспринято, что ум как способность и умение самостоятельно мыслить формируется только в процессе индивидуального освоения умственной культуры, духовного богатства общества и практического общего дела.

Если антипод ума — глупость, то есть ли критерий глупости? Будем считать, что это неспособность суждения, неспособность мыслить. Это происходит от того, что нормальный в биологическом отношении мозг и интеллект однажды, чаще всего в детском возрасте, оказывается изуродованным в процессе учения, когда вместо понимания знаний происходит их формальное усвоение. Это приводит к тому, что человек не может соотнести полученные знания с реальностью и попадает в разные неприятные истории. Особенно худо дело, когда заученная без понимания истина, «вбитая» в голову, ведет его по жизни.

И здесь важен принцип, следование которому оттачивает ум: учиться мыслить — это значит правильно ставить и формулировать вопросы. Все начинается с верной постановки вопроса.

Почему русскую литературу XIX — первой половины XX в. называют классической, т. е. умной литературой? Антон Павлович Чехов считал, что дело литературы — говорить правду, безусловную и откровенную. Такую правду, которая в правильной постановке вопроса. И доказывал: «В “Анне Карениной” и в “Онегине” не решен ни один вопрос, но они Вас вполне удовлетворяют, потому только, что все вопросы поставлены в них правильно» (Чехов, 2010: 205).

Но ведь верно сформулировать вопрос — это значит представить проблему для ума как противоречие. Маркс подчеркивает: не просто противоречие, а формально неразрешимое противоречие, т. е. логическое противоречие. Его уж никак не решишь, оперируя заученными правилами с их цифровой логикой двоичного кода: да — нет. Но Маркс с Энгельсом не зря читали Гегеля. Они предлагали разрешить противоречие, используя диалектический метод. Это не «да — нет», это мыслительный поиск того реального факта, события, действия, которое послужит разрешению противоречия. В этом факте, событии или действии происходит соединение противоположностей, когда они в борьбе превращаются друг в друга. «Немыслимое» становится «мыслимым» и разрешает противоречие. Так совершается таин-

ство диалектического метода, состоящее из единства и борьбы противоположностей и придающее уму совершенно новое, диалектическое качество. Диалектическое мышление заключается в том, чтобы в совокупности фактов найти противоречие, обнажить, сформулировать его, а потом разрешить, посредством нахождения того единственного факта, который пока невидим, но его нужно выявить.

Отношение к противоречию — это критерий культуры ума. Такой принципиальный вывод сделал выдающийся советский философ Эвальд Васильевич Ильенков, продолжатель Марксова учения о диалектическом материализме и диалектической логике. Вот как он доказывает, что есть культура ума: «Чем отличается диалектически мыслящий человек от недиалектически мыслящего? Умением наедине с собой, без наличия “внешнего оппонента”, взвешивать все “за” и все “против”, не дожидаясь, пока ему эти “против” со злорадством сунет в нос противник. Вот почему культурно мыслящий человек и оказывается всегда прекрасно вооруженным в спорах. Он заранее предвидит все “против”, учитывает их цену и вес и заготавливает контраргументы. Человек же, который, готовясь к спору, старательно и пристрастно коллекционирует одни “за”, одни “подтверждения” своему непротиворечивому тезису, всегда бывает бит. Его бьют с неожиданных для него сторон. А их тем больше, чем старательнее закрывал глаза на те реальные стороны вещи, которые могут служить основанием для противоположного взгляда. <...> Здесь-то и проявляется все коварство “абсолютных” истин. Ведь чем истина “абсолютнее” и “безусловнее”, тем ближе она к роковому моменту своего превращения в свою собственную противоположность. Тем легче оппоненту обернуть ее против нее самой тем больше фактов и оснований можно против нее выдвинуть» (Ильенков, 1968: 179–180).

И вот здесь встает вопрос об уме государственном.

ЧТО ЕСТЬ УМ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ

Государственный ум не может работать без определенных ценностей и идеологии. Но что такое идеология? Был ли К. Маркс создателем «марксистской» идеологии? Несомненно, он был ученым-исследователем, прекрасным аналитическим социологом, но идеологом — нет.

Но если он был ученым, что он исследовал? Историю! Это следует из того, что в работе «Немецкая идеология» К. Маркс пишет: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей... История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; историей же людей нам придется заняться, так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее» (Маркс, 1955а: 16).

Если идеология сводится «либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее», то это «придуманная» идеология, деструктивная по сути. И хотя она сводится к полному отвлечению от истории, какие-то страны ее провозглашают. Однако понимание того, что история — это повседневная жизнь со своими ценностями, дает преимущество в борьбе мировоззрений.

Маркс исследовал историю, а не занимался придумыванием идеологии. А историю он исследовал методом, который можно назвать диалектико-материалистическим. Этот метод противостоит традиционному историческому эмпиризму, занимающемуся нахождением и добросовестным описанием исторических фактов

в рамках наличного знания. Суть же диалектико-материалистического метода в том, что Маркс рассматривал историю как события, происходящие в настоящее время, ибо без событий настоящего нет прошлого и не будет будущего. У него получалось, что люди создают историю в условиях реального настоящего как цепь событий. Тем самым они становятся участниками общественно-исторического прогресса. При этом Маркс считал, что изменить сознание людей можно, только изменяя их бытие, точнее — общественное бытие. А общественное бытие — это вся жизнь человека — экономическая, социальная, политическая, духовная, — и это предмет истории, понимаемой как текущая человеческая практика. Что, кажется, и понимал уже упомянутый выше Петр Иванович Лабазов, толстовский герой войны с Наполеоном, декабрьского восстания 1825 г., размышлявший о поражении России в Крымской войне 1854–1856 гг.

Материализм по Марксу — это практический субъективный материализм, где человек своей деятельностью субъективно творит этот материальный и духовный мир. Человек является субъектом изменения этого мира, но, изменяя его, человек меняется сам. Для Маркса практика была в том, что изменение реальности, производимое человеком, происходило с изменением самого человека, это было его жизнью в истории, где он связан с настоящим, и одновременно с прошлым и будущим, т. е. с предками и их деяниями и потомками.

Но как анализировать историю в духе Маркса? Вот как видел этот процесс Ильенков: «Иными словами, — всякий акт анализа, — то есть прослеживания отдельных цепочек причинно-следственных зависимостей, — должен исходить из предельно ясного и четкого представления о том ЦЕЛОМ, которое мы хотим в итоге дискурсивно-аналитического исследования получить» (Ильенков, 1997а: 175; здесь и далее в цитатах данной статьи Ильенкова выделение прописными — в источнике. — Э. М.). В этом суть диалектического метода познания, а то целое — воспроизведенная реальность.

А анализ на позитивистских основаниях? «Математическая же логика... ориентирует исключительно на движение по цепочкам причинно-следственных связей, — без предварительного выделения и строгого определения ЦЕЛОГО, внутри коего должен совершаться анализ, — то есть строить в мышлении это ЦЕЛОЕ наобум, на авось, не зная наперед, что из этого выйдет...» (там же).

И конечный вывод из этих суждений: «Здесь... сталкиваются два принципа, — Спиноза и Эйнштейн по существу требуют Логики, которая обеспечивала бы акт ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ЦЕЛОГО (воспроизведения реальности, а по сути истории. — Э. М.), а Ньютон и позитивисты — хотят иметь логику КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА, задаются идеалом, сформулированным в виде заглавия книги Р. Карнапа, — “Logische Aufbau der Welt”...» (там же: 182).

Но разве приверженцы диалектической логики не занимаются конструированием мира, как те же позитивисты? Ведь говорил же К. Маркс: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его» (Маркс, 1955b: 4). Но Маркс говорит об изменении мира, а не его конструировании. Есть разница между этими понятиями.

Диалектики занимаются изменением мира, исследуя историю как непрерывный процесс изменения и развития, воспроизводя реальность как целое, которое мы хотим получить посредством диалектико-материалистического метода познания. Но вот позитивисты мир не изменяют, они его конструируют исходя из логико-ма-

тематического подхода, ориентируясь на некий идеал, где реальность взята не как целое, а как некая выделенная управленческая парадигма, внутри которой зарождается процесс социального конструирования в пределах определенной матрицы.

Но именно в этом случае позитивизм, точнее постпозитивизм, смыкается с догматикой и схоластикой официальной советской «марксистской» философии, которая обосновывала идеалы коммунизма, оторвавшись от реальности и порождаяемых ею проблем. Только в отличие от позитивистов советские философские догматики не рискнули заняться конструированием мира в рамках своей догматической матрицы, боясь обвинений в ревизионизме со стороны идеолога партии 60–70-х гг., секретаря партийного ЦК М. А. Суслова.

Самым значимым авторитетом философии позитивизма во второй половине XX в. был Р. Карнап с его книгой «Логическое строительство мира» (Carnap, 1928). На него и ссылается в данном случае Ильенков в своей критике позитивизма. Но к самому значимому авторитету применения (именно применения!) позитивистской логики на практике в XX в. я бы отнес Джорджа Кеннана, главу аппарата политического планирования Госдепартамента США в 1947 г. Он придерживался понимания того, что позитивистская логика держится на анализе знания о реальности посредством эмпирического или математического метода, а отнюдь не диалектико-материалистического. Первой наукой здесь шла социология, включающая все явления морального свойства, в которую Огюст Конт в свое время привнес естественно-научный (математический) метод в изучении социальных фактов. Метод Конта позитивисты подкрепили научными изысканиями Иеремии Бентама и Джона Стюарта Милля, которые открыли новое понимание морали — утилитаристское: аморально все то, что держится на сопереживании, сострадании, боли за другого; но морально все то, что дает человеку свободу торговли и потребления, — удовольствие, наслаждение, выгоду от этого.

С развитием позитивизма Кеннан проникся идеями жесткой критики «ненаучного» знания, к которому он относил исторический материализм Маркса и Энгельса, критики, основанной на анализе языка познания реальности, потом на определенной научной парадигме, принятой сообществом ученых и позволяющей выработать модель выявления проблем реального мира и конструировать новую реальность как средство разрешения этих проблем.

Очарованный позитивистской логикой познания реальности и возможностями конструирования ее, Кеннан тогда сформулировал концепцию холодной войны с СССР, содержательно превосходящую концепцию У. Черчилля, высказанную годом ранее. Основой его концепции холодной войны стало введенное им понятие «необходимой лжи» (Сондерс, 2013: 36). Оно оказалось настолько живуче в коммуникационной борьбе, что позволило к сегодняшнему дню сформировать глобальную систему дезинформации.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ

В оценке государственного мышления важно то, как между собою соотносятся форма субъективно-человеческой деятельности, с одной стороны, и форма той вещи, на которую эта деятельность направлена, — с другой стороны. Здесь «развитие мышления не согласуется с развитием его собственного предметного содержания», и тогда в силу вступает «закон разногласия мышления с объективной реальностью» (Ильенков, 1997b: 194).

Что же предлагает государственный ум, попавший в эту ситуацию? Сначала надо вспомнить, что государственный ум произрастает из ума диалектического. Тогда он полноценный государственный ум. А если он равнодушен к диалектической логике, то он недоразвитый ум, носитель которого — тот государственный человек, что мыслит прямолинейно, шаблонно, а значит, догматически, совершает множество ошибок в своих делах.

Стоит все же выделить некоторые качества государственного ума, что порождены диалектикой мысли и делают его чрезвычайно восприимчивым к проблемам мира, стимулируют мудрые решения носителей этого ума, по сути, его силу.

Главное качество — это, пожалуй, то, что государственный ум служит прежде всего государственным интересам, а потом интересам определенной политической силы или интересам определенного социального класса, а то и определенной социальной группы. Все же высший смысл государственного ума — служить своему народу, интересы которого представляет государство. Поэтому, говоря о государственном уме, как тут не вспомнить его носителей — государственных деятелей, политических лидеров, политических и экономических аналитиков.

Самые опасные носители государственного ума — это догматики. Они берут из окружающего мира только те факты и примеры, которые иллюстрируют верность какой-либо абстрактной истине. И умалчивают факты, несущие противоположную коннотацию.

Но вот скептицизм, по Гегелю, есть более существенный уровень развития духа, идеалистической диалектики. По крайней мере скептик может увидеть «единство противоположностей», хотя неспособен найти искомый факт, разрешающий противоречие рассматриваемой реальности.

Что же помогает найти искомое «третье», то звено в цепочке рассуждений, что разрешает противоречие, что помогает государственному уму разрешить вопрос разногласия с объективной реальностью? Вот как на этот вопрос отвечает Э. В. Ильенков: «Именно: соединение разумной (а потому твердой) убежденности со столь же разумной (а потому острой) самокритичностью. Такова диалектика ума, способного отражать диалектику действительности. Логика мышления, согласная с логикой вещей» (Ильенков, 1968: 185).

Мир настолько быстро меняется с накоплением исторической реальности, которая не всегда успевает остыть и превратиться в прошлое, что осознать и интерпретировать эти изменения можно, только используя диалектико-материалистический метод познания. Тот же позитивистский метод, основанный на «научной» логике идеала, часто отрывается от действительности и предлагает решения, значительно «обгоняющие» сами изменения. Но и принципы традиционализма и консерватизма как инструменты познания запаздывают с осознанием процессов в мировом пространстве. И все это происходит потому, что в этих двух упомянутых методах логика мышления не всегда согласуется с логикой вещей. А отрыв от действительности, опережение изменений, как и запаздывание, приводят к неэффективным управленческим решениям, что сказывается на переустройстве жизни, трансформации государственного и экономического аппарата.

ДИАЛЕКТИКА В РЕШЕНИЯХ ЛЕНИНА

Прежде чем разобраться в этом вопросе, уточним, как понимал Ильенков диалектическую взаимосвязь логического и исторического. В своей книге «Диалек-

тическая логика» он приходит к такому выводу: «Дело в том, что история понимается Марксом не как плавный процесс роста, не как процесс нагромождения все новых и новых этажей на основе одного и того же неизменяющегося при этом фундамента, а как процесс органического преобразования одной конкретности в другую, следующую за ней более высокую и развитую конкретность. <...> Любая новая конкретность возникает таким путем, что, разрушая предшествующую себе конкретность, она всегда строит себя из “обломков” своей предшественницы, другого строительного материала у нее нет» (Ильенков, 1984: 249). При этом «логика мышления» должна быть «согласная с логикой вещей» (Ильенков, 1968: 185).

Как диалектический ум Ленина справлялся с преобразованием одной конкретности в другую для достижения поставленной цели? Вспомним его позицию по вопросу сохранения завоеваний социалистической революции, которая свершилась в России в октябре 1917 г. Главным завоеванием революции было установление советской власти на всей территории России. Ленин говорил в связи с этим: «...что может быть бесспорнее и яснее, чем следующая истина: правительство, давшее измученному трехлетней грабительской войной народу Советскую власть, землю, рабочий контроль и мир, было бы непобедимо? Мир — главное» (Ленин, 1974а: 361). Именно мир — это был тот элемент, который послужил разрешению противоречия между войной и удержанием власти большевиками. Власть большевиков была способна удержаться в тех условиях только благодаря миру. Советское правительство обращается к странам Антанты (Франции, Англии, США) с предложением совместных переговоров с Германией о всеобщем мире. Но англичане, французы и американцы отвергают эти переговоры, они за продолжение войны до победы. Но Ленин исходит из реальности: Россия не может продолжать войну, так как армия деморализована, «война изранила все тело России», «народ похож на избитого до полусмерти человека» (Ленин, 1974б: 499) и не хочет воевать, устал воевать, не понимает смысл этой войны. Здесь «логика мышления, согласная с логикой вещей», по мысли Ильенкова.

И тогда советское правительство под давлением Ленина принимает решение вести переговоры о мире с главным противником России в этой войне — Германией. Это, конечно, будет унижительный мир. Но Ленин здесь исходит из борьбы двух противоположностей: или унижительный мир, или гибель советской власти. И, конечно, выбирает унижительный мир во имя спасения советской власти. Так одна конкретность перешла в другую, на новом уровне сложности, благодаря тому что было найдено то звено (мир), которое обеспечило этот специфический переход.

В начале марта 1918 г. седьмой съезд РКП(б) «признает необходимым утвердить подписанный советской властью тягчайший, унижительнейший мирный договор с Германией ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику» (там же: 35).

Диалектический ум всегда ищет причину и следствие для тех или иных событий, ищет в них противоречие как единство и борьбу противоположностей, а решение проблемы, искомое третье, ищет не в виртуальной реальности, не в двоичном цифровом коде, а в конкретных фактах предметного, реального мира, представляющего перед нами потоком реальных событий.

Вот еще одна смертельная ситуация для советской власти и социализма, выход из которой Ленин нашел, применив на практике диалектический метод единства и борьбы противоположностей для спасения власти и социализма в Советской России. Эта ситуация, случившаяся после Гражданской войны 1918–1920 гг. в России, поражала своей трагичностью: разоренное промышленное и сельское хозяйство, скудное питание населения, крестьянские мятежи. И громадный вопрос, на который необходимо было найти ответ здесь и сейчас: как вдохнуть жизнь в угасающую страну, как запустить маховик производства и развития, но прежде как накормить народ?

Ленин, как председатель Совета народных комиссаров, т. е. глава советского правительства, предлагает ввести новую экономическую политику, что потребовало коренной перемены точки зрения на социализм. Его соратники по партии и правительству, делавшие под его руководством социалистическую революцию 1917 г., были ошарашены — введение частной собственности на средства производства, введение капитализма!?

Как же Ленин, вождь Октябрьской революции, вождь мирового пролетариата, победивший белогвардейцев и интервентов в Гражданской войне, дорогой наш Владимир Ильич дошел до этого?

А дошел благодаря самостоятельно воспитанному диалектическому уму. Он тогда в своей работе «Очередные задачи советской власти» вывел удивительную формулу: «Осуществимость социализма определится именно нашими успехами в сочетании Советской власти и советской организации управления с новейшим прогрессом капитализма» (там же: 189–190). Когда он разрабатывал новую экономическую политику, он исходил из того, что, с одной стороны, есть еле дышащий социализм («военный коммунизм») и советская власть, которая шатается под ударами голода и восстаний; с другой стороны, есть в мире мощная система экономического развития — капитализм, который не есть социализм и в котором приоритет отдан частной собственности на средства производства. Ленин хорошо понимал и чтит силу капитализма: «капитализм прогрессивен, ибо... развивает производительные силы», «организует и дисциплинирует рабочих» (Ленин, 1973: 65).

Эти две стороны, социализм и капитализм, — противоположности. А что является третьей стороной, которая выразит единство и борьбу противоположностей и поможет разрешить проблему выживания страны? Этой третьей стороной, обеспечившей единство противоположностей и суть новой экономической политики, он определяет советскую организацию управления, под контролем которой, именно под контролем, теперь должен работать капитализм в России. Но точнее, капитализм управляется капиталистическими менеджерами, которые действуют под контролем партии большевиков.

Поэтому Ленин выдвигает лозунг дня: «Коммунисты, назад!». Точнее: «Ответственные коммунисты из передних рядов назад!». А кто вперед? «Приказчики, торговцы — вперед!» (Ленин, 1975: 409).

Так одна конкретность — «военный коммунизм» преобразуется в более сложную, более развитую конкретность — капитализм; и это преобразование осуществляется советской системой управления, что сложена из «обломков» того же материала, что и «военный коммунизм». Руководствуясь этой новой экономической политикой, принимая определенные решения, осуществляя определенные

действия, советская власть через полтора-два года вывела страну из кризиса, накормила народ, а народное хозяйство набрало темпы экономического роста. Глядя на эту историю из сегодняшнего дня, можно понять силу диалектического ума.

А теперь с позиции диалектики оценим, как после Гражданской войны в России в 1922 г. большевистская власть приняла решение о создании Союза Советских Социалистических Республик — СССР, объединившего российское постимперское пространство. Здесь проблема была в том, что Ленин, глава правительства, и Сталин, народный комиссар по делам национальностей, вели тогда острую дискуссию по поводу формы, в которой должно было произойти объединение территорий, на которых проживали разные этносы. Ленин настаивал на союзе равноправных, суверенных социалистических государств, а Сталин выступал за единую Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику, в которую на правах автономии вошли бы определенные территории — автономные республики.

Если бы осуществилась сталинская модель объединения, то она бы привела к созданию единого постимперского государства. Но в этой дискуссии верх одержала точка зрения Ленина, она была нравственна, а отсюда и диалектична. Что двигало Лениным?

Во-первых, входящие в СССР национальные республики должны были быть по статусу равноправны с Россией, с ядром СССР. И это справедливо, считал Ленин. Ведь именно народы, проживающие на окраинах России, помогли большевикам одержать победу в Гражданской войне. Когда осенью 1918 г. Добровольческая армия Деникина разгромила красные части на Кубани и Тереке и двинулась на Москву, в тыл ей ударили кавказские добровольческие подразделения, в которых преобладали чеченцы и ингуши, а с Украины ударила партизанская «армия» Нестора Махно. В апреле 1918 г. Ленин встречался с Махно, говорил с ним о роли анархистов в революции, о создании нового строя и убедил Махно помочь большевикам в войне с белыми. А вот убедить кавказские народы помочь большевикам в борьбе с белогвардейцами сумели посланцы Ленина — Киров и Орджоникидзе, которые вошли в контакт с мусульманскими лидерами чеченцев и ингушей и доказали им, что дело, за которое борются большевики, — справедливо, оно также справедливо и для кавказских народов, которые также жаждут свободы и равноправия, как и российский народ, восставший против власти помещиков и капиталистов. И благодарностью, платой за поддержку Красной армии в борьбе с белыми и интервентами стало признание равноправия этих народов в государственном строительстве.

Во-вторых, при объединении республик на платформе СССР Ленин руководствовался развитием экономики и промышленности в стране, а отсюда ростом численности рабочего класса — пролетариата. Когда определяли границы союзных республик, входящих в СССР, то власть в Кремле уже начинала руководствоваться принципами размещения производительных сил и организации народного хозяйства в целой стране. Это был мощнейший фактор взаимодействия республик и установления границ между ними. Уже в апреле 1918 г., через шесть месяцев после Октябрьской революции, в постановлении советского правительства говорилось: указать Академии наук «как особенно важную и неотложную задачу систематическое разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ею хозяйственных сил» (Гумилевский, 1988: 130). А потом был план ГОЭЛРО (план государственной элек-

трификации России) — строительство по всей России сети электростанций и план восстановления сети государственных железных дорог по всей стране (Макаревич, 2022: 255).

Особенный подход был к развитию Украины в составе СССР. Она была значительной по территории и густонаселенной республикой. Основную массу населения в ней составляли крестьяне и немногочисленные рабочие, которых объединяла мелкобуржуазная, а по сути «хуторская» психология. Ленин тогда решил включить в состав Украины несколько российских областей с развитым производством, многочисленным рабочим классом, рассчитывая, что приход этих областей даст Украине энергию промышленного развития, обеспечит промышленный рост, укротит мелкобуржуазные порывы и тем самым усилит суверенность республики и ее роль в индустриализации страны. То есть одна конкретность преобразуется в более развитую, более сложную конкретность — посредством федеративной формы объединения суверенных республик.

Конечно, СССР не был объединением реально суверенных государств. Российская Федерация, Белоруссия, Украина, Закавказская федерация в 1922 г., положившие начало СССР, при внешней суверенности, независимости, подчинялись правительству СССР и Центральному комитету Российской коммунистической партии (большевиков), т. е. центральной партийной власти, что находилась в Московском Кремле, как и центральное правительство. А в союзных республиках были свои правительства и партийные органы. И хотя суверенность союзных государств была отчасти условной, декоративной, все же реальное управление экономикой и культурой на своей территории осуществляла «своя» власть. Диалектика была в том, что власть местная должна была эффективно взаимодействовать с властью центральной, а эта эффективность достигалась единой партийной системой, которая пронизывала весь государственный и общественный механизм страны — от Центрального комитета и генерального секретаря российской, с 1925 г. всесоюзной, партии большевиков до партийного секретаря любой республики, от него — до секретаря партийного комитета любого предприятия, хозяйства, учреждения. Неспроста, когда «убивали» СССР в 1991 г., противники его добились сначала отмены 6-й статьи Конституции страны о руководящей роли коммунистической партии, что произошло на съезде народных депутатов в марте 1990 г.

Где же тут была диалектика, которая скрепляла союзное пространство страны? Одна сторона — союз «суверенно-декоративных» республик, другая сторона — социалистические отношения в экономике, образовании, культуре (государственное планирование и государственное финансовое обеспечение). А третьей стороной, выражающей единство и борьбу противоположностей, была советская организация управления, которая поддерживалась сильной единой партийной системой от Кремля «до самых до окраин».

Эту форму национально-территориального деления страны, единства социалистических отношений и организацию управления страной жестоко протестировала Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Но эта форма и организация оказались жизнеспособными, они выстояли, не сломались, когда гитлеровская Германия пыталась добиться распада СССР. Они выстояли и в самое трудное время холодной войны, которую вели США против СССР.

Но союз советских республик зашатался, когда, начиная с середины 60-х гг. XX в., угасала энергия развития страны, ослабевала сила центральной власти и со-

ветской организации управления, что усиливалось немощью Брежнева. При этом в союзных республиках партийно-государственная власть коррумпировалась и превращалась в мафиозные структуры, жаждавшие освободиться от московского центра и стать на позиции сепаратизма. А уж когда «убили» коммунистическую партию, а следом — СССР и республики начали откалываться от России, когда либерально-националистические вожди забыли о народе и начали самозабвенно обогащаться, тут есть смысл вспомнить о нравственном чувстве по отношению к массам и к строгой диалектике.

Коллизию нравственного чувства Ильенков определял так: «Нравственное чувство» масс оказывается правым против “строгой науки”, не успевшей еще разобрататься в сути дела именно потому, что эти массы реально зажаты в тиски противоречия между двумя категориями упрямых фактов. А тут и заключается “суть дела”. Иными словами, “нравственное чувство” — гуманистически ориентированное сознание — выражает в данном случае наличие реальной проблемы, которую надо решать и теоретически, и практически, наличие реального противоречия, из которого и надлежит научно искать выход...» (цит. по: Логинов, 1997: 90).

О ГОСУДАРСТВЕННОМ УМЕ, ОБОГАЩЕННОМ «ИСПОЛНЕНИЕМ ДОЛГА»

Есть одна неподтвержденная история, связанная с Лениным. Однажды его спросили об одном персонаже — умный ли он человек? И Ленин якобы ответил: «Умный-то он умный. Только ум у него глупый» (там же: 87). Вспоминая эту побасенку, Ильенков написал: «...ум, попирающий элементарные требования нравственности, кончает как глупый подлец, как подлый глупец, осознавая это невыносимое и для “ума” и для “совести” состояние...» (цит. по: там же: 88).

Из этого следует, что там, где дело касается ума государственного деятеля, политического лидера, то неминуем вопрос: как ум, принадлежащий этим персонажам, взаимодействует с их нравственностью?

Касательно этого вопроса след в истории философии оставил Иммануил Кант, европейский философ из XVIII в. Он предложил формулу интеллектуальной культуры личности, относимой, на мой взгляд, и к лидерам: «культура моральности в нас», и она в том, чтобы «исполнять свой долг, и при том из чувства долга (чтобы закон был не только правилом, но и мотивом поступка)» (Кант, 1965: 327).

Так рождается формула государственного ума: «культура моральности» и «исполнения долга», при этом «закон — мотив поступка». Эта формула работает, когда включает такие понятия Канта, как «культура *умения*... главное субъективное условие для того, чтобы быть способным содействовать [достижению] целей вообще» и «культура *воспитания*», суть которой «в освобождении воли от деспотизма вожделений, которые делают нас, прикованных к тем или иным природным вещам, неспособными самим делать выбор...» (Кант, 1966: 464–465; курсив источника. — Э. М.).

Если протестировать по этой формуле поведение лидеров страны периода 80-х и 90-х гг. XX в. — президента СССР М. С. Горбачева и президента России Б. Н. Ельцина, — то говорить об их «культуре моральности», чувстве долга, ответственности за судьбу Отечества, об их интеллектуальной силе, выраженной диалектикой ума, можно с большим сомнением. Но определенно можно сказать, что безответственность, безволие, трусость Горбачева, отсутствие у него интеллектуальной мощи, а по сути, диалектического ума в оценке событий и при этом его несдержан-

ваемый авантюризм явно способствовали краху СССР. Себялюбие, жестокость, властные амбиции и волевые решения Ельцина привели к небывалому обогащению определенной группы людей, в том числе и некоторых членов его семьи. И не только к обогащению, а, по словам Е. М. Примакова, премьер-министра России в 1998–1999 гг., «к все большему влиянию этой теневой группы на политику государства, в том числе в вопросах расстановки кадров» (Примаков, 2006: 347), что наносило явный ущерб национальной безопасности страны.

Чтобы понять поступки этих людей, стоявших во главе страны, стоит обратиться к статье философа Эриха Юрьевича Соловьева «Личность и ситуация в социально-политическом анализе Маркса», опубликованной в 1968 г. в журнале «Вопросы философии» и не оцененной бюрократической элитой того времени. А ведь он в ней коснулся судьбы отстраненного от власти Хрущева и будущей судьбы правившего тогда страной Брежнева, не называя их имен; а сегодня она объясняет крах Горбачева и Ельцина. Вот фрагмент из этой статьи, опубликованной потом в его монографии «Прошлое толкует нас» (Соловьев, 1991: 185–208). К. Маркс «предполагает, что человек ответственен не только перед своими убеждениями, но и за свои убеждения, за само их содержание. <...> Личность отвечает за успешную реализацию выбранной ею общественной миссии, и если роль требует ума и таланта, глупость и посредственность ее исполнителя становятся виной» (там же: 202).

Через два с половиной столетия, в конце XX в., диалектическую линию и в определенной степени линию Канта продолжил германский философ Юрген Хабермас. Он заявил о необходимом наличии и взаимодействии критического и инструментально-рационального знаний в деятельности государственного лидера и государственной власти. Именно это взаимодействие определяет интеллектуальную культуру лидера и власти. Критическое знание тяготеет к диалектическому типу мышления, который схватывает явление, процесс, объект в единстве противоположностей, определяет проблемы и их причины, находит креативные решения. Критическое знание — это разум, инструментально-рациональное знание — это рассудок, который действует на основе оценок и решений разума, и его нельзя ставить впереди критического знания. Но инструментально-рациональное знание — это еще и «технологическое», «технократическое» знание, которое служит преобразованию определенной «конкретности» в другую, более сложную, посредством технологий, приемов, расчетов (Макаревич, 2019: 201).

Как считает Хабермас, в современном западном обществе «общественные места не становятся ареной обсуждения проблем и свободного выбора, а общественные проблемы, подобно техническим, решаются экспертами, использующими инструментально-рациональное знание» (цит. по: Громов, Мацкевич, Семенов, 1997: 327). Получается, что «доминирующими и определяющими чертами современного этапа развития общества для Ю. Хабермаса выступает господство инструментального знания и технократического мышления» (там же).

О МЫШЛЕНИИ И СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ ФИЛОСОФСКОГО СКЛАДА

Свежее дыхание марксистской философии, историческому материализму придали талантливые выпускники философского факультета Московского университета начала 50-х гг. XX в., которые тогда появились в Институте философии Академии наук. Конечно, первым среди них был Эвальд Васильевич Ильенков. Человек из военного поколения, с 1943 г. — на фронте, командир пехотного взвода, по ста-

тистике войны живший один-три боя. Ильенков с честью выдержал все бои, о чем свидетельствуют ранения и боевые награды. Войну он окончил в Германии. Поклонник великого композитора Рихарда Вагнера, поклонник Гегеля и Маркса, он, освобождавший Германию от немецких нацистов, после войны погружается в изучение философии в МГУ и в 1953 г. защищает кандидатскую диссертацию под названием «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”». Через 15 лет, в 1968 г., он защитил докторскую диссертацию, что называлась «К вопросу о природе мышления. На материале анализа немецкой классической философии». Все время научной жизни отдано борьбе с догматизмом и схоластикой официальной философии, за новое прочтение марксизма, усиление его конкурентоспособности в идейной борьбе. Сила его научного таланта особенно проявилась в обосновании диалектической логики как метода познания универсально-исторической картины мира, преодолевающей концепции позитивистского мышления. Именно этому посвящены его книги, вышедшие после смерти: «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма» (Ильенков, 1980) и «Диалектическая логика» (Ильенков, 1984). Именно в этой борьбе он обрел своих недоброжелателей в СССР. Его единомышленник Вадим Михайлович Межуев раскрыл экзистенциальную сущность этой борьбы: «Ильенков атаковал идеологическую власть в самом важном для нее пункте — в ее претензии на марксистскую непогрешимость. Он как бы говорил ей — именно в марксизме, в его философии ты ничего не смыслишь и не понимаешь. А что могло быть болезненней для нее, претендующей на монопольное владение “вечно живым” учением? Ей легче было иметь дело со своим откровенным противником, чем со своим конкурентом на почве марксизма, ибо подобной конкуренции она в любом случае не выдерживала. Недаром с последними она расправлялась с особой яростью и беспощадностью» (Межуев, 1997: 48).

А ведь его диалектическая логика позволяла доказательно выявлять внешних интеллектуальных врагов СССР, среди которых первым идет упомянутый мною Джордж Кеннан с его концепцией холодной войны против Советского Союза и принципом «необходимой лжи». Еще студентом Принстонского университета Кеннан проявил свой аналитический талант, который оттачивал потом на дипломатической службе и в аспирантуре. Когда встал вопрос языка для дипломатической работы, он выбрал русский и скоро стал знатоком русской и советской литературы. В 1945–1946 гг. он советник посольства США в Москве, а в 1947 г. возглавил отдел планирования внешней политики Госдепартамента США. Но имя он себе сделал в феврале 1946 г., когда послал из Москвы «длинную» телеграмму государственному секретарю США, в которой доказывал, что США должны положить конец советской экспансии в Европе. По сути, это была не телеграмма, а целый меморандум политической борьбы. В июле 1947 г. в журнале «Foreign Affairs» выходит его статья «Истоки советского поведения». В этой фундаментальной статье, продолжавшей его обстоятельную телеграмму из Москвы, обосновывались идея и стратегия холодной войны. В ней говорилось, что Кремль стремится к доминированию в мировом пространстве, руководствуясь своей фанатичной идеологией. Но ей может противостоять стратегия «устойчивого противодействия» и «твердого и бдительного сдерживания», что требует максимального развития пропаганды и техник политической борьбы (Макаревич, 2015: 82), в которых основным элементом является понятие «необходимой лжи» (Сондерс, 2013: 36). С то-

го времени это понятие, а по сути технология «необходимой лжи» стала универсальной в практиках американского Госдепартамента, ЦРУ и ФБР.

Необходимость использования технологии «необходимой лжи» Кеннан доказывал следующим образом: «Коммунисты... завоевали сильные позиции в Европе, так безмерно превосходящие наши собственные... благодаря беззастенчивому и искусному использованию лжи. Они сражались с нами с помощью нереальности, иррационализма (под этим он понимал движение СССР к коммунизму. — Э. М.). Можем ли мы успешно бороться против этой нереальности при помощи рационализма, правды, при помощи честной, исполненной благих намерений экономической помощи? Нет, Америке необходимо вступить в новую эпоху тайной войны для достижения ее демократических целей вопреки советской хитрости» (цит. по: там же: 36–37).

Если подвергнуть эти разработки Кеннана диалектическому анализу, то становится ясен принцип конструирования картины мира, свойственного позитивистам, некоего синтеза «без ясного представления о том, какое же “целое” из всего этого получится» (Ильенков, 1997а: 181), но с некоторым видением выгоды для США. Вся холодная война была построена на игнорировании исторической реальности, на позитивистских принципах формального конструирования мира, что позволило множить массу мифов о внутренней жизни в СССР, о взаимоотношениях власти и народа, о взаимоотношениях наций и народностей в большой стране, создавать провокационные ситуации в политике, культуре и искусстве, выстраивать неприглядный образ страны, потерявшей в Великой Отечественной войне около 27 млн своих сограждан, страны, нанесшей смертельную рану германскому фашизму.

Схоластике официального марксизма, заполонившей экономику, науку, образование и пропаганду в СССР, американцы эффективно противопоставляли позитивистскую социологию конструирования мира на платформе «необходимой лжи», которая становилась бессильной, если натывалась на диалектическую логику решения проблем. Самая известная ложь, которую приходилось опровергать Советскому Союзу, была концепция тождественности фашизма и коммунизма. Но правящая тогда в СССР элита была неспособна использовать диалектический метод для познания социально-экономических процессов. Все последующие годы после распада СССР американская теория и практика конструирования мира крепла в провокациях и «необходимой лжи» по всему миру, нередко приобретая кровавый оттенок, как, например, на Украине, начиная с 2014 г.

Будущее основано на прошлом — это у диалектиков. У позитивистов, в крайнем проявлении у Кеннана — будущее обосновано четкой математической логикой глобальных исследований, принципами утилитаристской морали и долей «необходимой лжи», изменяющей мир.

Но вот Петр Иванович Лабазов, толстовский герой. Можно представить, как, копаясь в исторической реальности, он ищет причины поражения России в войне с англичанами и французами в 1854–1856 гг. А Марья Ивановна по обывательской привычке называет его дураком. Но сын его идет быстрыми шагами к науке будущего — химии, а по сути, идет на встречу с героем тургеневского романа «Отцы и дети» Базаровым. Тургеневский Базаров целенаправленно экспериментировал, правда, не в химии, а в биологии, но тоже — науке будущего, ломая при этом прошлое и его ценности, отвергая Рафаэля и Пушкина, чем возмущал поколение отцов. Но когда он умирал от заражения крови, полученного в процессе своих опы-

тов, он хотел видеть женщину, к которой питал определенные чувства. От нее он хотел соучастия, сострадания. И никакая утилитарная нравственность его не останавливала в этом ясном человеческом желании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сегодня назрела необходимость вести диалог о феномене «советской философии», ее интеллектуальной и духовной драме, обратившись к личности и творческому наследию одного из выдающихся ее создателей — Э. В. Ильенкова, которого можно считать одним из основоположников нового марксизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Громов, И. А., Мацкевич, А. Ю., Семенов, В. А. (1997) Западная социология. СПб. : Ольга. 372 с.
- Гумилевский, А. И. (1988) Вернадский. М. : Молодая гвардия. 440 с.
- Ильенков, Э. В. (1968) Об идеалах и идеалах. М. : Политиздат. 319 с.
- Ильенков, Э. В. (1980) Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: (Размышления над книгой В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм»). М. : Политиздат. 175 с.
- Ильенков, Э. В. (1984) Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат. 320 с.
- Ильенков, Э. В. (1997а) К докладу о Спинозе («История диалектики») // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга — диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : ИФРАН. 240 с. С. 170–182.
- Ильенков, Э. В. (1997б) О так называемой «специфике мышления» (К вопросу о предмете диалектической логики) // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга — диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : ИФРАН. 240 с. С. 183–195.
- Ильенков, Э. В. (1984) Диалектическая логика: Очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М. : Политиздат. 320 с.
- Кант, И. (1965) Метафизика нравов в двух частях. 1797 // Соч. : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 4. М. : Мысль. 478 с. С. 107–439.
- Кант, И. (1966) Критика способности суждения // Соч. : в 6 т. / под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 5. М. : Мысль. 564 с. С. 202–514.
- Ленин, В. И. (1974а) Полн. собр. соч. Т. 35. М. : Политиздат. 599 с.
- Ленин, В. И. (1974б) Полн. собр. соч. Т. 36. М. : Политиздат. 741 с.
- Ленин, В. И. (1973) Полн. собр. соч. Т. 20. М. : Политиздат. 583 с.
- Ленин, В. И. (1975) Полн. собр. соч. Т. 45. М. : Политиздат. 729 с.
- Логинов, В. Т. (1997) О «глупом уме» и «подлых умниках» // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга — диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : ИФРАН. 240 с. С. 85–91.
- Макаревич, Э. Ф. (2015) Филипп Бобков и пятое управление КГБ: след в истории. М. : Алгоритм. 272 с.
- Макаревич, Э. Ф. (2019) Интеллектуальная культура власти // II Моисеевские чтения: культура как фактор национальной безопасности России. Доклады и материалы / под ред. А. В. Костиной, В. А. Лукова. Москва, Московский гуманитарный университет, 26 июня 2019 г. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 520 с. С. 201–208.
- Макаревич, Э. Ф. (2022) Трансформация модели социально-экономического развития России от профессоров «Национального центра» в историческом контексте // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 248–262. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.2.18>
- Маркс, К. (1955а) Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Шtirнера // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. в 39 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат. Т. 3. С. 7–544. 629 с.

Маркс, К. (1955b) Тезисы о Фейербахе // Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. в 39 т. 2-е изд. М. : Госполитиздат. Т. 3. 629 с. С. 1–4.

Межуев, В. М. (1997) Эвальд Ильенков и конец классической марксистской философии // Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга — диалог) / сост. и ред. В. И. Толстых. М. : ИФРАН. 240 с. С. 47–54.

Примаков, Е. М. (2006) Минное поле политики. М. : Молодая гвардия. 368 с.

Соловьев, Э. Ю. (1991) Прошлое толкует нас: (Очерки по истории философии и культуры). М. : Политиздат. 432 с.

Сондерс, Ф. С. (2013) ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / пер. с англ. под рук. Е. Логинова и А. Верченкова. М. : Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле. 416 с.

Толстой, А. (2017) Семейное счастье : избранные произведения. «Декабристы» (Главы неоконченного романа). СПб. : Азбука, Азбука Аттикус. 288 с.

Чехов, А. П. (2010) Собр. соч. : в 15 т. Т. 14: Из записных книжек; Дневниковые записи: Избранные письма. М. : Книжный клуб Книговек. 384 с.

Carnap, R. (1928) *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg: Felix Meiner Verlag. 290 s.

Дата поступления: 27.03.2023 г.

ON DIALECTICAL MIND AND HISTORICAL REALITY

E. F. MAKAREVICH

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

This essay refers to dialectical mind, essentially, to dialectical logic, comprehending its role in understanding and developing the world and the country. This understanding is greatly determined by the personality of the prominent Soviet philosopher Evald Vasilyevich Ilyenkov. He was the one who became the leader of the struggle against the dogmas of official Soviet philosophy, which influenced education, politics, and propaganda in the Soviet Union. Dialectical logic, according to Ilyenkov's interpretation, makes it possible to perceive the peculiarities of dialectic's competitors in understanding and changing the world, primarily, positivism. It is from the perspective of dialectic that the essay considers the essence of statesmanship, which a country's leader must possess.

Keywords: history; dialectical logic; dialectical and materialistic method of understanding the world; dialectical mind; statesmanship; positivism; K. Marx; F. Engels; I. Kant; V. Lenin; E. Ilyenkov; E. Solovyov; J. Habermas; G. Kennan

REFERENCES

Gromov, I. A., Matskevich, A. Iu. and Semenov, V. A. (1997) *Zapadnaia sotsiologiya*. Saint-Petersburg, Ol'ga. 372 p. (In Russ.).

Gumilevskii, L. I. (1988) *Vernadskii*. Moscow, Molodaia gvardiia. 440 p. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1968) *Ob idolakh i idealakh*. Moscow, Politizdat. 319 p. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1980) *Leninskaia dialektika i metafizika pozitivizma: (Razmysleniia nad knigoi V. I. Lenina «Materializm i empiriokrititsizm»)*. Moscow, Politizdat. 175 p. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1984) *Dialekticheskaiia logika: Ocherki istorii i teorii*. 2nd ed., expanded. Moscow, Politizdat. 320 p. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1997a) K dokladu o Spinoze («Istoriia dialektiki»). In: *Drama sovetskoi filosofii. Eval'd Vasil'evich Ilyenkov: (Kniga — dialog)* / comp. and ed. by V. I. Tolstykh. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 240 p. Pp. 170–182. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1997b) O tak nazyvaemoi «spetsifike myshleniia» (K voprosu o predmete dialekticheskoi logiki). In: *Drama sovetskoi filosofii. Eval'd Vasil'evich Ilyenkov: (Kniga — dialog)* / comp. and ed. by V. I. Tolstykh. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 240 p. Pp. 183–195. (In Russ.).

Ilyenkov, E. V. (1984) *Dialekticheskaiia logika: Ocherki istorii i teorii*. 2nd ed., expanded. Moscow, Politizdat. 320 p. (In Russ.).

Kant, I. (1965) *Metafizika pravov v dvukh chastiakh*. 1797. In: Kant, I. *Sochineniya* : in 6 vols. / ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga and T. I. Oizerman. Vol. 4. Moscow, Mysl'. 478 p. Pp. 107–439. (In Russ.).

Kant, I. (1966) *Kritika sposobnosti suzheniia*. In: Kant, I. *Sochineniya* : in 6 vols. / ed. by V. F. Asmus, A. V. Gulyga and T. I. Oizerman. Vol. 5. Moscow, Mysl'. 564 p. Pp. 202–514. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1974a) *The Complete Works*. Vol. 35. Moscow, Politizdat. 599 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1974b) *The Complete Works*. Vol. 36. Moscow, Politizdat. 741 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1973) *The Complete Works*. Vol. 20. Moscow, Politizdat. 583 p. (In Russ.).

Lenin, V. I. (1975) *The Complete Works*. Vol. 45. Moscow, Politizdat. 729 p. (In Russ.).

Loginov, V. T. (1997) О «глупом уме» и «подлых умниках». In: *Drama sovetskoi filosofii. Eval'd Vasil' evich Il'enkov: (Kniga — dialog)* / comp. and ed. by V. I. Tolstykh. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 240 p. Pp. 85–91. (In Russ.).

Makarevich, E. F. (2015) *Filipp Bobkov i piatoe upravlenie KGB: sled v istorii*. Moscow, Algoritm. 272 p. (In Russ.).

Makarevich, E. F. (2019) *Intellektual'naia kul'tura vlasti*. In: *II Moiseevskie chteniia: kul'tura kak faktor natsional'noi bezopasnosti Rossii. Doklady i materialy* / ed. by A. V. Kostina and V. A. Lukov. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities, 2019, June, 26. Moscow, Moscow Univ. for the Humanities. 520 p. Pp. 201–208. (In Russ.).

Makarevich, E. F. (2022) *Transformatsiia modeli sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia Rossii ot professorov «Natsional'nogo tsentra» v istoricheskom kontekste*. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 248–262. DOI: <http://dx.doi.org/10.17805/zpu.2022.2.18> (In Russ.).

Marks, K. (1955a) *Nemetskaia ideologiya: Kritika noveishei nemetskoii filosofii v litse ee predstavitelei Feierbakha, B. Bauera i Shtirnera*. In: Marks, K. and Engel's, F. *Sochineniya* in 39 vols. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 3. 629 p. Pp. 7–544. (In Russ.).

Marks, K. (1955b) *Tezisy o Feierbakhe*. In: Marks, K. and Engel's, F. *Sochineniya* in 39 vols. 2nd ed. Moscow, Gospolitizdat. Vol. 3. 629 p. Pp. 1–4. (In Russ.).

Mezhuev, V. M. (1997) *Eval'd Il'enkov i konets klassicheskoi marksistskoii filosofii*. In: *Drama sovetskoi filosofii. Eval'd Vasil' evich Il'enkov: (Kniga — dialog)* / comp. and ed. by V. I. Tolstykh. Moscow, RAS Institute of Philosophy. 240 p. Pp. 47–54. (In Russ.).

Primakov, E. M. (2006) *Minnoe pole politiki*. Moscow, Molodaia gvardiia. 368 p. (In Russ.).

Solov'ev, E. Iu. (1991) *Proshloe tolkuet nas: (Ocherki po istorii filosofii i kul'tury)*. Moscow. Politizdat. 432 p. (In Russ.).

Sonders, F. S. (2013) *TsRU i mir iskusstv: kul'turnyi front kbolodnoi voiny* / transl. from English; ed. by E. Loginov and A. Verchenkov. Moscow, Institute of Foreign Policy Studies and Initiatives, Kuchkovo pole. 416 p. (In Russ.).

Tolstoi, L. (2017) *Semeinoe schast'e : izbrannye proizvedeniia. «Dekabristy» (Glavy neokonchennogo romana)*. Saint-Petersburg, Azbuka, Azbuka Attikus. 288 p. (In Russ.).

Chekhov, A. P. (2010) *Collected works* : in 15 vols. Vol. 14: *Iz zapisnykh knizhek; Dnevnikovye zapisi: Izbrannye pis'ma*. Moscow, Knizhnyi klub Knigovek. 384 p. (In Russ.).

Carnap, R. (1928) *Der logische Aufbau der Welt*. Hamburg: Felix Meiner Verlag. 290 s.

Submission date: 27.03.2023.

Макаревич Эдуард Федорович — доктор социологических наук, проректор по научной и издательской деятельности, директор Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Российская Федерация, г. Москва, ул. Юности, 5. Тел.: +7 (499) 374-51-51. Эл. адрес: edward.makarevich@mail.ru

Makarevich Eduard Fyodorovich, Doctor of Social Sciences, Vice-Rector for Research and Publishing, Director Institute of Fundamental and Applied Research, Moscow University for the Humanities. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-51-51. E-mail: edward.ma-karevich@mail.ru